

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

В. П. Кривоногов
**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
У КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ**

Виктор Кривоногов

**Этнические процессы у коренных
малочисленных народов**

«СФУ»

2017

УДК 316.7+39
ББК 60.545.1+71.083

Кривоногов В. П.

Этнические процессы у коренных малочисленных народов /
В. П. Кривоногов — «СФУ», 2017

Выявлены и проанализированы факторы, влияющие на этнические процессы у малочисленных народов разных стран, показано общее и особенное в этнической ситуации у каждого этноса. Предназначена специалистам и студентам гуманитарных факультетов.

УДК 316.7+39
ББК 60.545.1+71.083

© Кривоногов В. П., 2017
© СФУ, 2017

Содержание

Предисловие	5
1. Аэта – аборигены Филиппин	7
2. Ведды острова Шри-Ланка	16
3. Фуюйские кыргызы провинции Хэйлунцзян	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В. П. Кривоногов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Предисловие

В течение 35 лет (до 2011 года) автор данной монографии занимался исключительно современными этническими процессами у коренных народов Средней Сибири – хакасов и чулымцев, тофаларов и эвенков, кетов и энцев, долган и нганасан.... Полученный обширный материал позволил сравнивать ситуацию у разных народов, выявлять факторы, влияющие на ход этих процессов. Общим было то, что малочисленные народы жили в окружении более многочисленного пришлого населения, в основном русского. Заманчиво было применить полученный опыт исследований для малочисленных народов других регионов, в том числе за рубежом. С 2011 г. началась серия зарубежных экспедиций.

В мире множество малочисленных этносов, которые живут в окружении более многочисленных народов, но были выбраны те страны, в которых распространен знакомый автору английский язык, в основном бывшие английские или американские колонии. На о. Пасхи и в Маньчжурии пришлось воспользоваться услугами переводчиков.

Календарь экспедиций: 2011 г. – Филиппины (аборигены аэта); 2012 г. – Шри-Ланка (аборигены ведды); 2013 г. – о. Пасхи (аборигены рапануйцы), 2014 г. – Китай (фуюйские кыргызы), 2015 г. – о. Сент-Винсент (индейцы – гарифуна), 2016 г. – о. Гуам (аборигены чаморро).

Давнее и сравнительно недавнее (XVIII–XX вв.) прошлое этих народов достаточно полно описано в научной литературе. Что касается интересующих нас сторон жизни этих народов за последние 20–30 лет, здесь пришлось целиком полагаться на собственные исследования, так как литература крайне скудна или вовсе отсутствует. Так как наша цель – современность, мы, не углубляясь в историю, довольствовались только самыми общими сведениями, имеющимися в открытом доступе. Информация об этнической истории аэта есть в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, в статьях К. Ю. Мешкова, Е. Ю. Плотника, о прошлом веддов имеется информация в работах В. И. Кочнева, Л. И. Бонифатьевой, У. Макоша.

Больше информации имеется о фуюйских кыргызах (Н. Гусейнов, С. Г. Скобелев, Ч. Тайсян, А. А. Шамаев, Э. Р. Тенешев, В. Я. Бутанаев). В этих работах есть сведения о происхождении и истории фуюйских кыргызов, их языке, родовом составе, но отсутствуют такие, как современное расселение, демография, динамика численности, межнациональное взаимодействие в сфере брака.

О коренных жителях островов Карибского моря – индейцах-карибах, сохранившихся на некоторых островах, в частности на о. Сент-Винсент, имеется информация в работах Э. Г. Александренкова, Г. В. Грибанова, А. Д. Дридзо, Б. Коссека, М. Г. Смита.

Основные этапы этнической истории коренных жителей о. Пасхи с середины XIX в. до середины XX в. удалось обнаружить в трудах и статьях Ф. П. Кренделева, А. М. Кондратова, П. И. Пучкова, Ф. Мазьера, а также в известной книге Тура Хейердала «Аку-аку».

В трудах Б. Б. Рубцова и П. И. Пучкова П. И. есть сведения об основных этапах этнической истории народа чаморро о. Гуам.

Большое значение для этнических процессов имеют демографические показатели, сведения о численности и национальном составе территорий исследуемых народов. Здесь помогли

данные последних переписей населения, интернета, архивов учреждений местных администраций разных стран. По некоторым народам эти сведения были достаточно подробными, даже в разрезе каждого населенного пункта (например, на о. Гуам). Если сведения переписей были слишком общими, автор пользовался другими источниками: по фуюйским кыргызам были переработаны списки местных администраций, аналог наших похозяйственных книг, информацию о национальном составе поселений аэта, веддов и гарифуна дали наши эксперты, на Филиппинах и о. Шри-Ланка – вожди общин, на о. Сент-Винсент оценку сделали местные специалисты, в основном учителя, на о. Пасхи использовались материалы посемейного исследования, которое прошло на острове незадолго до нашего приезда.

1. Аэта – аборигены Филиппин

В 2011 г. состоялась этнографическая поездка к аборигенам Филиппин, известных в научной литературе под именем аэта [2, с. 28-34]. Этот малочисленный народ от основного населения Филиппин, относящегося к южноазиатской расе (второе название этого антропологического типа – южные монголоиды), отличался маленьким ростом и черным цветом кожи, за что испанцы прозвали его негритос – маленькие негры [3, с. 178]. В отечественной литературе для обозначения этого антропологического типа принят термин «негритос», он является разновидностью австралоидной расы. Если окружающее население занималось в основном земледелием и животноводством, то аэта охотой и собирательством [1, с. 62; 3, с. 178]. К XIX в. аэта сохранились в джунглях четырех островов – Лусон, Минданао, Панай и Негрос [3, с. 177]. Их общая численность достигала 50 тыс. чел. – это очень небольшая доля в общем населении Филиппин. Для XXI в. называют еще более скромные цифры – 20–30 тыс., причём отмечается, что численность их постоянно сокращается.

Сведения об аэта, имеющиеся в этнографической литературе на русском языке, относятся в основном к XIX в. и описывают их занятия, особенности традиционной культуры 100–200 лет назад. Что касается XX в., то встречаются только краткие упоминания, что аэта стали постепенно отходить от традиционных занятий и переходить к оседлости, осваивать нетрадиционные занятия [1, с. 62; 3, с. 180, 181; 5, с. 283]. Сведений о современной ситуации у аэта найти не удалось.

Целью нашей этнографической поездки было выяснить, в каком состоянии находится традиционная культура аэта в настоящее время, как изменился их образ жизни, в каком направлении идут современные этнические процессы. Объектом исследования были выбраны аэта, живущие на о. Панай – одном из четырех островов, где они еще сохранились.

Основные методы – сбор статистического материала, наблюдения, беседы с информаторами. Экспертами в основном были вожди местных общин.

Выяснилось, что аэта давно уже не бродячие охотники и собиратели, они проживают общинами в особых поселках, находящихся по соседству с филиппинскими селами, так что искать их в джунглях не пришлось. По их словам, они вышли из джунглей к цивилизации давно – «еще при испанцах», т. е. в XIX в.. Однако характер расселения позволяет им сохраняться – они не перемешались с филиппинцами, имеют особые поселки (или отдельные части поселков), лишь небольшое их количество живет среди филиппинцев. В то же время некоторое количество филиппинцев обитает среди аэта, составляя в их общинах от 5 до 50 %, но чаще всего – 5–15 %, т. е. меньшинство.

Всего на о. Панай удалось собрать сведения о 21 общине аэта и на соседнем небольшом о. Гимарас еще о 4 общинах, почти во всех нам удалось побывать. По каждому поселку удалось собрать сведения о численности аэта и живущих среди них филиппинцах (на о. Панай филиппинцы представлены народом висайя, говорящим здесь на нескольких диалектах), о количестве национально-смешанных браков.

Аборигены аэта на о. Панай называют себя аты, а филиппинцы называют их айта (на севере острова) или ита (в центре и на юге).

Поселки аэта разбросаны по всему острову. На северо-западе обнаружено 5 поселков (на окраине г. Калибо, пос. Малай, Ибахай, Баруанга, Баракай), на юго-западе 2 (Анини-и и Дао), на востоке 5 (Баратак-Вьехо, Калаван, Сантьяго, Балабан, Баларын), на центральной равнине 9 (Дакаль, Таг-Ау, Аглалана, Мослоб, Анилао, Кабатуан, Камирос, Балагон, Матагот). Отдельные семьи встретились и в соседних поселках – 2 семьи в местечке Лагуна, недалеко от пос. Малай, 1 семья в пос. Набас, около общины Ибахай, 2 семьи у пос. Тигбауан на юге острова. На соседнем о. Гимарас обнаружено 4 поселка (Кати-Кати, Ситью Серум Пурук, Лининуан и

Убог), которые также расположены не по соседству друг с другом, а в разных частях острова, среди филиппинских сел (за точность написания названий трудно поручиться, так как многие записаны на слух, а информаторы не могли подсказать точнее в силу своей неграмотности).

Несмотря на удаленность поселков друг от друга, многие аэта осведомлены о других общинах, по крайней мере, о соседних, иногда встречаются и браки между представителями разных общин. Государство признает проблемы малочисленных аборигенов, существуют программы помощи им. Одним из проявлений этого внимания является факт, что государство признало право общин на некоторую степень самоуправления, в частности узаконило должность руководителя общины (иногда в документах используется термин «племя»), которая имеет английское название лидер. В поселках аборигенов есть водоснабжение (ручные колонки), в дома подведено электричество, их дети могут посещать школы (многие, хотя и не все, посещают начальную шестигодичную школу, а вот дальше продолжают образование лишь единицы). Эти программы помощи здесь явно необходимы – уровень жизни аэта намного уступает уровню окружающего филиппинского населения.

Здесь много безработных, а в характере аэта нет такой предприимчивости и инициативности, какая есть у их соседей филиппинцев. Можно сказать, что аборигены – самая бедная часть филиппинского общества. Это проявляется хотя бы во внешнем виде жилищ (хижины аэта явно меньше размерами, чем у филиппинцев, кроме того, если у филиппинцев наряду с бамбуковыми хижинами нередко встречаются кирпичные и блочно-бетонные дома, то у аэта таких вообще нет), а также в наличии техники (в хозяйствах филиппинцев часто можно встретить мотоциклы, телевизоры, сотовые телефоны, холодильники и другие атрибуты цивилизации, чего нет у аэта). Во всех поселках аэта, в которых удалось побывать, мотоциклы встретились только в 4 семьях. Обычно на одну общину приходится 2–3 телевизора, 1–2 музыкальных центра и т. д. Филиппинцы, живущие в поселках аэта, по материальному положению ближе к аэта, чем к остальным филиппинцам, т. е. среди аэта живут самые бедные филиппинцы, но даже они всё же немного зажиточнее аборигенов – и хижины у них получше и повместительней, чем у соседей, и современная техника встречается чаще. В большинстве поселков (Малой, Анилао и др.) лидеры общин живут чуть лучше остальных, это видно и по их более основательным хижинам, и по другим признакам – в частности, из 4 мотоциклов 3 имеются именно у лидеров. Видимо, при выборе лидеров аэта учитывали их материальный достаток. Правда, не во всех общинах (Дао, Анини-и, Дакаль).

Общины аэта небольшие, есть такие, в которых численность составляет всего 30–40 чел., в самой большой общине насчитывается до 400 чел. (пос. Малай), но чаще встречаются по 100–200 чел. (усредненный показатель по 25 общинам – 134 чел.). Общая численность аэта о. Панай 2 735 чел., что составляет всего 0,1 % населения острова. Здесь учтены только живущие в общинах и исключены те, кто эти общины покинул. По словам информаторов (лидеров общин), покинуло общины не так уж много людей, не более 5–10 % от их численности. Например, в пос. Малай уехали в поисках работы только 2 человека. В общине на окраине г. Калибо 7 девушек вышли замуж за филиппинцев и уехали к мужьям (это составило 10 % населения общины). На о. Гимарас в 4 общинах проживают 645 аэта, что составляет около 2 % населения острова. Таким образом, доля аэта по отношению к филиппинцам крайне мала, и если бы не было их концентрации в особых поселках, их судьба давно была бы предрешена.

Поселения аэта весьма существенно отличаются от филиппинских, это заметно уже при выборе места для поселения. Все поселки филиппинцев расположены на равнинах, около рек или вытянулись вдоль морских берегов, окружены рисовыми полями, планировка правильная, уличная. Все поселения аэта расположены на холмах среди деревьев, и порой совершенно не видны даже с близкого расстояния. Иногда хижины аэта расположены кучно, впритык друг к другу (Дао, Малай, Анини-и, Калибо и др.), иногда «врассыпную», на значительном удалении друг от друга и без всякого порядка (Убог, Лининуан, и др.). В пос. Убог хижины распо-

ложены так далеко друг от друга, что, стоя у одной хижины, невозможно из-за деревьев увидеть остальные. Иногда характер расположения хижин смешанный – часть хижин расположены рядом, остальные вразброс и на значительном удалении. Если лесистые горы и холмы приближены вплотную к филиппинскому поселку, то и община аэта примыкает к ней, между домами филиппинцев и аэта нет промежутка (Дао). Если же горы и холмы находятся на некотором удалении от филиппинского поселка, то чтобы попасть к общине аэта, нужно пройти 100–300 м по тропинке между рисовыми полями. Иногда к поселению аэта ведет хорошая дорога (Малай, Анини-и), но чаще малозаметная пешеходная тропинка, и если искать поселок в первый раз и без проводника, то можно и не найти, хотя он может быть совсем рядом (Калибо, Баруанга, Дао и др.). Лишь в нескольких поселениях поблизости нет гор и холмов (Калибо, Ибахай), и аэта живут на равнине, но и в этом случае за пределами филиппинского поселка и в густых зарослях бананов, кокосовых пальм. Иногда расположенные рядом филиппинское поселение и поселок аэта считаются формально одним населенным пунктом с одним названием, иногда – двумя и с разными названиями, но в обоих случаях характер поселения остается таким же.

Выход аборигенов из джунглей и оседание рядом с филиппинскими поселками произошло довольно давно, видимо, более века назад, и хозяйственный уклад аэта существенно изменился. Лишь понаслышке некоторые старики помнят, что в далеком прошлом аэта были охотниками и собирателями, охотились с помощью луков и *сумпитанов* (бамбуковых духовых трубок), ходили в набедренных повязках из листьев и т. д. [3, с.180]. Современные аэта об этом порой даже и не помнят и с интересом слушают, когда им пересказывают сведения, почерпнутые из этнографической литературы. Некоторые из них говорили, что видели луки и духовые трубки в музее.

Так как на Филиппинах два государственных языка и один из них английский, языковой барьер мне удавалось преодолеть с его помощью (второй язык – пилипино, или тагалог, разработан на основе языка тагалов, живущих на о. Лусон в районе столицы – Манилы). Правда, английский язык знают далеко не все аэта, так как доля неграмотных велика, а английский язык учат именно в школах. Однако все же в любой общине можно было найти хотя бы несколько человек, в той или иной мере владеющих английским языком, от них и удавалось получить информацию. Они же соглашались быть переводчиками в беседах с остальными жителями.

Несмотря на явный отход от традиционных занятий, аэта еще не полностью порвали с джунглями. В одном из поселений (у г. Калибо) удалось узнать, что четверо мужчин из этого поселка довольно регулярно занимаются охотой. Никакого оружия у них нет, используются силки. Добывают диких птиц и древесных ящериц, которых они называют игуанами (так они назывались по-испански, пояснили мне). По их словам, до мест охоты от поселка примерно 10 км. Пойманную живность либо употребляют в пищу, либо продают. Особенно выгодными считаются сделки по продаже игуан в рестораны о. Баракай – это ближайший центр междunarодного туризма. По словам охотников, экзотическое блюдо из игуаны пользуется успехом у гурманов из Европы и Америки. По оценке одного из охотников, он ловит до 10 игуан в неделю, хотя, конечно, охота не всегда бывает удачной.

Вторым источником пропитания, связанным с традиционными промыслами, можно назвать моллюсков. Улитки и мидии используются в местной кулинарии регулярно, собирают и сухопутных улиток, и речных, добывают моллюсков у моря во время отлива. Однако вряд ли этот источник пропитания характеризует специфичность культуры и хозяйства аэта – дело в том, что этим промыслом активно занимаются и филиппинцы, здесь разницы никакой нет.

Еще одна отрасль, связанная с лесом, в которой также трудятся аэта – это изготовление метел и веников из особой жесткой травы, добываемой в джунглях (рис. 1). Этот «бизнес» мне встретился в разных концах о. Панай, и хотя он не превратил «бизнесменов» в миллионеров, но позволяет как-то сводить концы с концами, обеспечивая минимальный уровень жизни. Еще один вид мелкого бизнеса – продажа женщинами в городе различных даров джунглей. Правда,

своих магазинчиков и лавок аэта в отличие от филиппинцев не имеют, поэтому, расстелив подстилку прямо на тротуаре, в людном месте городка или районного центра, предлагают за небольшую цену всевозможные дешевые самодельные поделки – брелочки, браслеты, а также разные корешки, камешки, которые, по их словам, имеют лечебные свойства, и др.

Некоторые аэта стали заниматься земледелием и животноводством по образцу филиппинских крестьян – имеют рисовые чеки. Но чаще они трудятся по найму у филиппинцев на рисовых полях или помогая в уборке сахарного тростника. Под влиянием соседей у некоторых аэта в хозяйстве появились куры, индюки, свиньи, козы, карабао (местные волы), но имеются они далеко не у всех и не в таком количестве.

Среди аэта много безработных или занятых временно, что создает много проблем. У некоторых аэта, видимо под влиянием государственных программ помощи малочисленным народам, наблюдаются иждивенческие настроения, когда они живут в нищете, но для выхода из нее не предпринимают каких-либо усилий, ожидая помощи со стороны. Безработица и низкий уровень жизни встречаются и у части филиппинцев, но они проявляют заметно больше активности и предприимчивости, добывая средства к существованию, и поэтому достигли среднего и высокого уровня жизни, чего нельзя сказать об аэта. Даже самые благополучные из них (чаще лидеры), по сути, не дотягивают до среднего уровня филиппинцев. Некоторые аэта оказались подвержены одному из пороков цивилизации – пьянству, хотя вообще здесь этот порок встречается явно реже, чем в России. Кроме покупного алкоголя используют перебродивший сок кокосовых орехов, особенно те, кто не имеет денег на покупку спиртного. А вот курение табака, к сожалению, широко распространилось среди мужской части населения как среди филиппинцев, так и аэта. Встречаются курящие и среди женщин, чаще среднего или пожилого возраста, а вот курящих девушек встречать не приходилось.

Рис. 1. Семья аэта – сборщики травы для веников

Изменения в хозяйстве повлекли за собой изменения в кухне аэта. Основой питания, как и у филиппинцев, стал рис, хотя чаще всего не свой, а покупной. Кроме того едят различные овощи, бананы, фрукты и изредка мясо домашних животных (говядину, свинину) и птиц. Моллюски вносят некоторое разнообразие в это меню, а вот насекомые, в отличие, например, от Таиланда, в качестве местных блюд мне не встретились. Игуаны же в качестве продукта питания мне встретились только в одном поселке, в большинстве других охотой никто не занимается. Пищу аэта готовят исключительно на открытом огне. Если семья очень бедная и в маленькой хижине не нашлось закутка для кухни, делают небольшой очаг (по сути, просто костер) прямо на земле рядом с хижинкой. Но чаще в хижине все же имеется небольшая приходящая-веранда, которую и используют в качестве кухни. На пол ставят низкий ящик, заполненный землей, и на нем разводят костер. В более зажиточных семьях, с более просторной верандой, ставят стол, делают к нему невысокие бортики и также засыпают землей. Часто на костер ставят такое оригинальное приспособление – кастрюлю без дна, с проделанным сбоку отверстием для подкладки щепок, а на это сооружение ставят уже кастрюли с варевом или сковороду для жарки. Дрова добывают в окрестном лесу, используют для этого большой нож, похожий на мачете.

Традиционной одежды у аэта не осталось, не сохранилась даже память о ней, одеваются в покупную одежду – футболки, шорты, юбки. Обувь – исключительно резиновые сланцы (впрочем, как и у всех сельских филиппинцев). Туфли у аэта и филиппинцев носят только школьники. Платья у женщин вообще не в ходу (впрочем, как и у филиппинок), женщины носят блузки либо в сочетании с юбкой, либо с шортами. Многие не носят бюстгальтер, видимо, по бедности. Кстати, в стране все школьники обязаны иметь школьную форму, причем цветовая гамма в каждой школе своя. Все девочки ходят в школу в длинных, ниже колен, юбках и в блузках – чаще белых. Юбки обычно в синюю, зеленую или коричневую клетку. В некоторых бедных семьях аэта дети не учатся, так как родители не в состоянии купить школьную форму.

Семьи у аэта, судя по всему, очень прочные (рис. 2), ни в одном поселке мне не встретилось ни одной разведенной женщины. По словам информаторов, разводы иногда случаются, но редко, и разведенные сразу же вступают в новые браки. Видимо, диспропорции полов у аэта нет, в среднем возрасте практически все состоят в браке. Лишь в одном поселке встретила женщину средних лет, которая никогда не состояла в браке, это редкое исключение. Браки заключаются в возрасте 16–18 лет, и с рождением детей аэта не медлят. Обычно годам к 22 женщина уже имеет как минимум двоих детей. Однако рождаемость у аэта явно ограничивается. Как правило, большинство семей имеют 3–4 ребенка, и после 30 лет рожают редко. Семьи с 5–6 детьми – исключение. Кстати, похожие процессы происходят и у филиппинцев. Еще в 1960–80-е гг. рождаемость в стране была максимальной, население Филиппин увеличилось с 25–30 до 102 млн на сегодняшний день. И это не считая 10 или более миллионов филиппинцев, покинувших страну (уезжают чаще всего в США). Однако последние 10–20 лет наблюдается явный переход от многодетной к среднететной семье, и филиппинцы сейчас также ограничиваются 3–4 детьми.

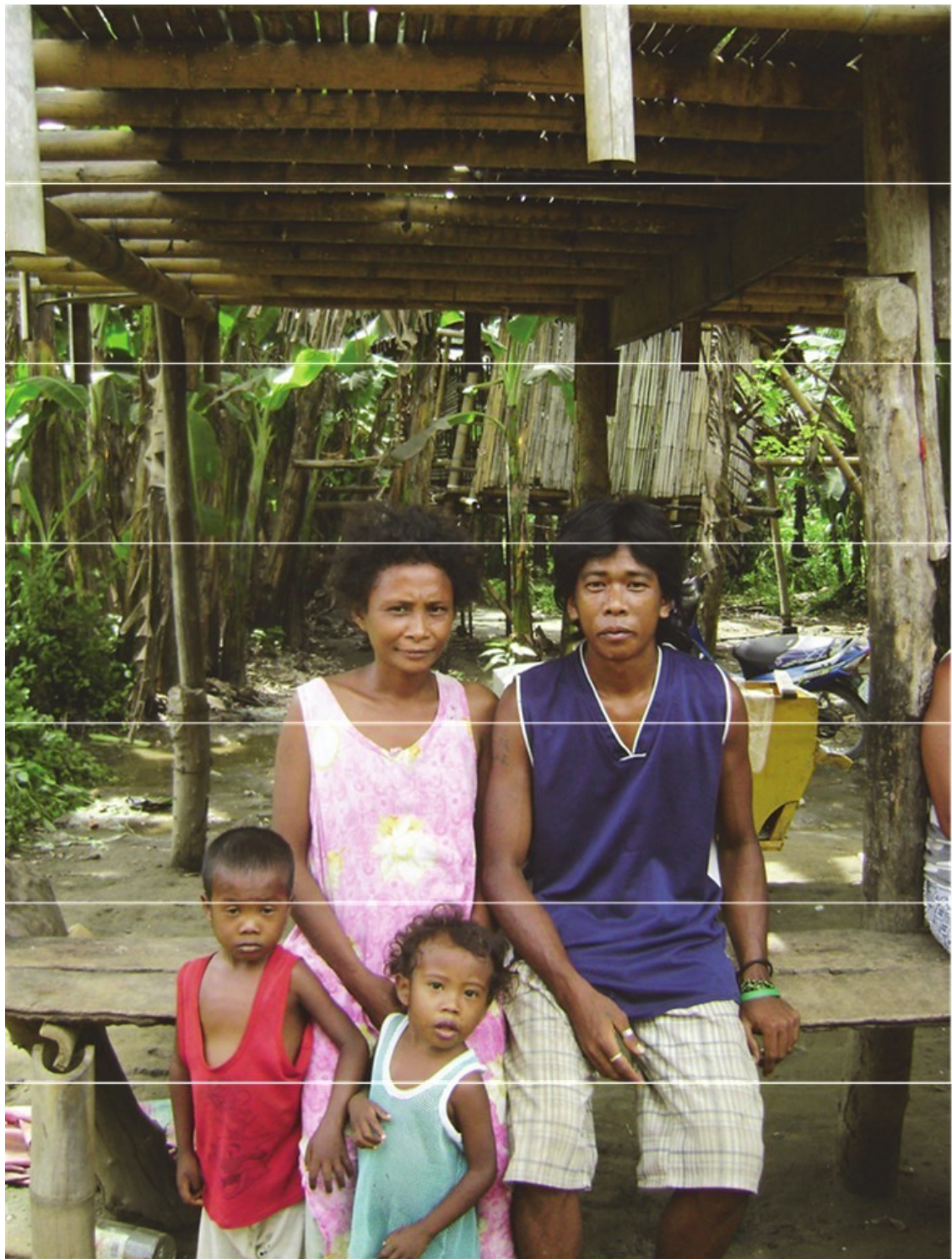

Рис. 2. Семья аэта

Проживание в непосредственной близости от филиппинцев в течение более века не могло не повлиять не только на хозяйство и образ жизни аэта, но и на их генотип. Национально-смешанные браки стали реальностью, и, видимо, достаточно давно. По крайней мере, лица смешанного происхождения встречаются не только среди детей, но и среди стариков. Смешение идет в течение уже нескольких поколений, в результате внешность аэта претерпела существенные изменения. Смешанные браки с филиппинцами заключаются как в общинах аэта, так и за их пределами, когда девушки аэта, выходя замуж, покидают общину и переезжают к мужу филиппинцу. В последнем случае их общие дети станут, скорее всего, филиппинцами, и отно-

силь к аэта себя уже не будут. Это, видимо, главная причина сокращения численности аэта в течение последнего века (с 50 до 20–30 тыс.). А вот в смешанных семьях, живущих в общинах, результаты противоположные – практически все дети в этих семьях причисляются к аэта. Но при этом расовый облик аэта меняется весьма существенно, особенно если смешение идет уже не в первом поколении. Нам удалось собрать сведения о национальном составе семей аэта во всех 25 общинах Паная и Гимараса. Результаты оказались такими – однонациональных семей 652, смешанных – 118, или 18,1 %. По разным общинам, в зависимости от национального состава, этот процент сильно варьирует, от 0 (Агла-лана, Кабатуан) до 100 % (Ибахай).

Вроде бы доля смешанных семей не так уж велика, лишь 1 из 5, но так как такое смешение идет уже не одно поколение, метисов среди аэта оказалось много, явно больше тех, кто сохранил прежний генотип. Это сложно подсчитать, но по приблизительным подсчетам те, кто сохранил черный цвет кожи, курчавые волосы и другие признаки австралоидной расы, составляют примерно 10–20 % численности, остальные намного светлее, часто имеют волосы не курчавые, а волнистые или даже прямые, появились и другие признаки южномонголоидной расы. В некоторых общинах чернокожих аэта не осталось совсем, максимальное количество доходит до половины – там, где абсолютное количество их больше всего (например, пос. Малай). Почти полностью утерян такой антропологический признак, как малый рост, по этому показателю аэта практически полностью сравнялись с филиппинцами, которые, кстати говоря, также не отличаются высоким ростом. Встретились лишь 5–10 чел., в основном женщины, чей рост позволяет вспомнить о том, что когда-то аэта были азиатскими пигмеями. Даже те из аэта, которые сохранили черный цвет кожи, курчавые волосы и другие характерные расовые признаки, несколько не ниже ростом метисов или соседних филиппинцев. Видимо, через 2–3 поколения аэта окончательно утратят свои антропологические особенности (рис. 3).

В отечественной научной литературе, а также справочной этнографической нередко упоминается о том, что аэта Филиппин давно утратили родные языки и говорят на языках окружающего большинства [4, с. 9]. На о. Панай и Гимарас аэта действительно свободно говорят на диалектах своих соседей висайя – акланон, карай-а, илонго. Однако еще Миклухо-Маклай усомнился в этом и обнаружил следы какого-то иного языка [4, с. 9]. В настоящее время удалось установить, что аэта действительно сохранили и какой-то свой древний язык, отличный от висайя. Разумеется, это область исследования лингвистов, но все же я решил записать несколько десятков слов на этом языке и сравнить с аналогичными словами языка висайя. Оказалось, что более 1/3 слов полностью совпадают, т. е. аэта их заимствовали. Зато остальные отличаются существенно (табл. 1).

Рис. 3. Мама с дочкой

Уже этот небольшой список слов показывает, что язык аэта относится к какой-то другой языковой группе, отличной от группы филиппинских языков.

Таблица 1

Сравнение некоторых слов аэта на разных языках

Языки		
русский	висайя	аэта
Один	иса	самбелёг
Два	духа	дара
Рука	камот	паляд
Нога	секи	бетис
Дерево	кахой	кайо
Мужчина	лалаки	амос
Женщина	бабайи	бенохат
Человек	таву	манайеву
Луна	габ-и	каляп

В разных поселках дети аэта до школы говорят, как правило, на двух языках – родном и местном диалекте висайя. В одних поселках мне сообщали, что они лучше знают один из двух языков, в других – второй, в-третьих – оба одинаково. В школе дети вынуждены учить еще два государственных языка – английский и пилипино (тагалог), так что аэта, по сути, многоязычны. Правда, тагалог и английский знают далеко не все, так как не все посещали школы. И пилипино, и английский аэта знают хуже, чем окружающие их висайя, в силу более низкого уровня образования.

Традиционные верования аэта включали анимизм, магию, культ сил природы, токование снов [3, с. 180]. Однако в XX в. все коренным образом изменилось. Если испанцам не удалось обратить живущих в глубине джунглей аэта в христианство, то в первой половине XX в. сменившим их американцам «повезло» больше – прибывшие сюда протестантские миссионеры добрались и до аэта. В настоящее время в большинстве общин, в которых нам удалось побывать, аэта были баптистами, лишь в одной (около г. Калибо) они были католиками. Но при этом, как ни странно, большинство аэта имеют, как и окружающие филиппинцы, испанские имена и фамилии.

Частично сохраняется музыкальный и танцевальный фольклор. Правда, народные танцы увидеть не пришлось, а вот песни звучат довольно часто, причем и на исконном языке, и на висайя, и на английском.

Сегодня народная культура находится на грани исчезновения, да и само дальнейшее существование аэта под вопросом, так как процессы ассимиляции идут активно. Однако если иметь в виду незначительную долю аборигенов среди окружающего большинства (всего 0,1 %!), то удивляться приходится как раз тому, что они вообще еще сохранились, не растворились в среде филиппинцев. Причина сохранения – проживание аэта в отдельных поселках, особыми общинами. Это не может остановить процесс ассимиляции, но замедляет ее, что позволяет надеяться на сохранение этой интересной этнической общности хотя бы в ближайшие десятилетия.

2. Ведды острова Шри-Ланка

До середины I тыс. до н. э. ведды были единственными жителями о. Шри-Ланка, пока на острове не высадились переселенцы из Северной Индии – предки сингалов, говорящие на индоевропейском языке [9 с. 250]. Примерно в то же время на севере острова поселились тамилы, выходцы из Южной Индии. Всё последующее время сингалы и тамилы постепенно ассимилировали коренное население – веддов [9, с. 251]. Позже сложилось еще несколько этнических групп острова – мавры, бюргеры, евразийцы, малайцы и др. В результате ассимиляции и оттеснения в джунгли численность веддов постепенно сократилась до минимума, осталось лишь несколько малочисленных островков аборигенов в восточной части острова, в джунглях, среди сингальского и тамильского большинства. Что касается численности веддов, то источники дают разные цифры с большим разбросом показателей – от 800 чел. до 2,5 тыс. [9, с. 276]. Наши информаторы-ведды и эксперты дали цифру – 1,2 тыс. чел. (наш главный эксперт – официально признанный потомственный вождь веддов).

Основными методами работы в этой поездке были беседы с информаторами и экспертами-веддами [7, с. 93-101]. Добраться до веддов оказалось довольно просто. Из г. Канди на восток через горы ведет шоссейная дорога, а от г. Махиянга совсем недалеко до веддов. Поселок Дамбана, который считается центром расселения веддов, находится от шоссе в нескольких километрах, туда ведет ответвление дороги, тоже асфальтированное. Поселок выглядит не слишком экзотично, здесь многие кирпичные дома построены для веддов сингалами, да и сами сингалы живут тут же, рядом. Часть поселка музеефицирована, здесь есть глинобитные хижины и даже традиционная хижина на высоком дереве (правда, в ней никто не живет – построена для туристов). Здесь уже есть и школа, мы зашли во время занятий и застали около 100 учеников в стандартной для сингалов школьной форме, занимающихся под руководством буддистского монаха в оранжевой тоге. Ученики нескольких разновозрастных классов находились в одном обширном помещении, и занятия в них шли одновременно.

Длинноволосые и бородатые мужчины ведды – по пояс обнаженные, в юбках совсем другого покроя, чем у сингалов, многие – с топориком, висящем на плече, явно отличались от привычного облика большинства жителей острова – сингалов. Однако, приглядевшись, можно заметить, что на представителей классического веддоидного антропологического типа, являющегося разновидностью австралоидной расы, они тоже не очень похожи, по крайней мере, эти австралоидные признаки явно сглажены. Рост почти у всех веддов такой же, как у сингалов, а ведь раньше для них был характерен маленький рост. Подумалось – если этих людей подстричь, побрить и облачить в сингальскую одежду, то не так уж и много останется различий. Кстати, позже мне встретились и такие ведды – изменившие прическу и одежду – и действительно, отличить от сингалов их было не так уж просто. Встречались среди них и со светло-коричневой кожей, и сравнительно высокие, и с «индийскими» чертами лица. Видимо, не только ведды в прошлой истории вливались в состав сингалов в результате ассимиляции, но и сами ведды получили немало генов североиндийских пришельцев. Обмен генами продолжается и сейчас – мы встретили здесь немало национально-смешанных семей (рис. 4).

В первый же день состоялась встреча с вождем веддов, который принимал гостей и туристов в специальной хижине с большой верандой (рис. 5). Здесь же находилась свита, среди которой и его сыновья. Один из сыновей уже назначен наследником. В ходе беседы нам хотелось выяснить, сколько сейчас на острове веддов. Вождь назвал цифру – 1 200 чел., живущих в 300 семьях. Один из знатоков-веддов уточнил – однонациональных семей 300, и есть еще 50 смешанных сингало-веддских.

Было интересно узнать, есть ли ведды в других местах острова, кроме окрестностей пос. Дамбана. Ответ был отрицательным. Между тем на этнографических картах обычно указыва-

ется несколько мест проживания веддов в этой части острова [6, с. 41]. О нескольких анклавах сообщают и этнографы [9, с. 277], правда, уточняется, что в некоторых из этих анклавов ведды сильно ассимилированы окружающим большинством [10, с. 8, 10]. Так, может быть, к настоящему времени везде, кроме Дамбаны, ассимиляция веддов уже завершилась? По крайней мере, это следует из слов вождя.

В поселке не более 2–3 десятков домов, так что все 350 семей здесь разместиться явно не могут. Значит, поблизости есть еще поселки? А вот на этот вопрос вразумительного ответа получить не удалось. Мы высказали пожелание вождю, что хотели бы посетить другие поселки в джунглях, пообщаться с другими веддами, которые живут не в поселке, а в окрестностях. Вождь отнёсся к нему весьма благосклонно, но при этом почему-то назначил нам 5 (!) проводников. Мы удивились – зачем так много, нам хватит и одного. Вождь уменьшил число проводников до 3 и назначил цену. Сумма оказалась не такой уж маленькой. Вообще, в последние годы, судя по всему, коммерция активно проникает в жизнь веддов, все жители поселка активно предлагали различные самодельные сувениры из даров джунглей, и все наши просьбы тут же переводились на язык денежных знаков. Многие жители поселка занимаются изготовлением дешевой бижутерии (бусы, браслеты и т. д.), которую предлагают туристам тут же, на разостланных циновках. Проникла сюда и мелкая коммерция в виде нескольких магазинчиков, торгующих продуктами питания (кофе, чай в пакетиках, газировка, мороженое, а также сигареты и ингредиенты для бетеля – жевательной смеси и др.), продавали всё это сингалы.

Рис. 4. Представитель веддов

По мнению информаторов, несколько семей веддов занялись также земледелием и животноводством по образцу соседей – сингальских крестьян, но таких немного – около 10 семей. Основные новшества в хозяйстве, видимо, связаны, прежде всего, с туризмом.

Рис. 5. Вождь веддов

Поход в джунгли в настоящее время стал для веддов одним из пунктов программы работы с туристами. В этой прогулке с туристами по джунглям согласно программе проводники должны продемонстрировать навыки охоты, рыбной ловли, добычи дикого меда. Попытки охотиться или найти мед сначала не привели к успеху, но позже проводники реабилитировались: на небольшом озере они наловили рыбы и устроили пикник на берегу. Нашей целью было знакомство с веддами, живущими вне поселка, но с этим оказалось сложнее – около озера мы встретили всего двух веддов, которые большую часть времени проводили здесь, в шалаше.

Обращало на себя внимание то, что проводники, т. е. те, кто работает с туристами, одеваются с элементами национального костюма (особого покроя мужская юбка, не похожая на сингальскую, особая прическа), а вот остальные явно предпочитают обычную европейскую одежду, как и большинство сингалов, т. е. покупные рубашки, футболки, брюки, шорты, женщины – покупные платья и т. д. Двое встреченных нами возле озера жителей джунглей тоже «экзотикой» в одежде и внешности не отличались.

В поселке удалось узнать, что для иностранных туристов руководство общины разработало и внедрило специальные стандартные экскурсионные программы. В число номеров входят танцы и песни фольклорной группы (соответствующая цена в рупиях); разжигание костра с помощью трения (плата согласно прейскуранту); поход в джунгли и т. д. Предлагали и нам песни с танцами и разжигание костра палочками, но мы от такой показной экзотики отказались. А пять проводников предлагали, чтобы дать заработать на «богатом иностранце» большому числу жителей посёлка.

В этнографической литературе утверждается, что у веддов не осталось своего языка или остались только его реликты, они перешли на языки окружающего большинства – тамильский и сингальский [9, с. 276]. Тамильского в пос. Дамбана никто не знает, так как поблизости от него тамилы не живут, а те ведды, которые жили среди тамиллов, видимо, уже полностью ими ассимилированы. Сингальский язык действительно все наши знакомые хорошо знали, но вот что удивительно – оказалось, что их собственный язык вовсе не забыт! По утверждению наших информаторов, их язык жив. Его «знают все», на нем говорят и дети, и он вовсе не ушел и не уходит из жизни. Мы устроили с помощью переводчиков настоящий экзамен информаторам, предлагая отдельные слова перевести на сингальский и на веддский языки. Несколько десятков слов, переведенных с английского на эти языки, показали, что между сингальским и веддским языком большая разница, совпадений практически нет, все слова звучат совершенно по-другому. Так что мнение о давней потере веддами их языка, судя по всему, оказалось преждевременным. А возможно, это мнение относится к другим группам веддов, которые действительно перешли на тамильский и сингальский язык, а к настоящему времени полностью ассимилированы. Но последний анклав веддов, который мы посетили, пока что сохранил свой язык. Некоторые исследователи пришли к выводу, что в последнее время ассимиляция веддов ускоряется, и скоро они исчезнут [8, с. 39–74].

3. Фуюйские кыргызы провинции Хэйлунцзян

После угона джунгарами части населения Минусинской котловины на юг в начале XVIII в. осколки этих тюркоязычных предков современных хакасов оказались разбросанными в разных частях Центральной Азии. В середине XVIII в. с территории Джунгарии маньчжурскими правителями Китая были переселены на восток небольшие группы тюркского населения [21]. Многие из переселенцев были впоследствии ассимилированы теми народами, среди которых поселены, но часть дожила до наших дней.

В 1950-е гг. на маленький анклав тюрков, оказавшийся далеко на востоке от своей прародины, в Маньчжурии, обратили внимание исследователи и власти Китая [22], когда после многолетней войны страна начала приходить в себя и выстраивать свою, китайскую, национальную политику. Выяснилось, что потомки тюрков не помнят определенно, кто они такие и откуда прибыли, представляют собой своего рода загадку. Тогда, в 1950-е годы, китайские чиновники и ученые, изучив еще сохранившийся язык местных жителей, пришли к выводу, что он близок языку киргизов, живущих на западе провинции Синьцзян, на границе с Советской Киргизией. Было принято решение назвать их кыргызами, а чтобы не путать с тяньшаньскими киргизами, стали называть их по уезду, где они размещены, – фуюйскими кыргызами. Это название утвердилось в статистике, и в науке под этим этнонимом они учитываются при проведении переписей населения. Уезд этот входит в провинцию Хэйлунцзян, центром которой является многомиллионный Харбин, некогда «самый русский» город Китая.

Когда выяснилось, что от былой традиционной культуры у фуюйских кыргызов мало что осталось, при посредничестве чиновников, занимающихся национальной политикой, были налажены контакты с их сородичами – тяньшаньскими киргизами, живущими на далеком китайском западе, произошел обмен делегациями. Фуюйским кыргызам подарили национальные костюмы, музыкальные инструменты и другие образцы национальной материальной культуры (об этом нам сообщил наш научный консультант профессор У Чжаньчжу). Особо понравилась фуюйским кыргызам высокая войлочная белая мужская шапка, которая, за неимением других образцов материальной культуры, стала своего рода их этническим маркером, хотя не известно, была ли такая шапка у них в прошлом.

Позже, ближе к нашему времени, было высказано предположение, что фуюйские кыргызы имеют более тесное родство не с тяньшаньскими тэзками, а населением Минусинской котловины [16; 17, с. 76–78; 18, с. 88–95; 24, с. 99–107], которое в XX в. получило имя хакасы, а 2–3 в. назад именовалось в документах енисейские киргизы. Российский ученый из Хакасии профессор В. Я. Бутанаев, который посетил их несколько лет назад, собрал данные о языке у последних его носителей (осталось всего 2–3 старика, которые помнили немного родной язык), а также выяснил родовую структуру [11, с. 120; 12; 13, с. 124, 125]. Оказалось, что названия родов (сеоков) фуюйских кыргызов полностью идентичны родам современных хакасов, что также подтверждает их происхождение именно из Минусинской котловины.

Расселение фуюйских кыргызов в Маньчжурии неоднократно менялось, но в конце концов они оказались сконцентрированы в двух населенных пунктах – поселках Уцзяцзы и Цицзяцзы. Некоторое количество проживало и в других поселках уезда, но в основном дисперсно, нигде больше не образуя компактных групп.

В 2014 г. мы поставили перед собой задачу выяснить национальный состав этих поселков, точную численность этой этнической группы, поло-возрастной состав, а также вопрос с национально-смешанными браками. Нам удалось получить фотокопии посемейных списков этих поселков, которые были переведены на русский язык участницей поездки в Китай Е. В. Бутанаевой. В этом же году мы побывали в провинции Хэйлунцзян, в г. Харбине, и получили дополнительный материал. Научным консультантом экспедиции любезно согласился стать У

Чжаньчжу, профессор Харбинского университета, проживающий в г. Харбине, сам фуюйский кыргыз по происхождению, один из руководителей кыргызской национальной общественной организации, автор многих научных статей и книг о фуюйских кыргызах [19; 20; 23] (рис. 6). Для полноты картины были привлечены данные китайской переписи населения за 2010 г., материалы которой мы обнаружили в экспозиции, посвященной фуюйским кыргызам, в харбинском Центре национальных культур [15, с. 4–8].

Максимальный прирост фуюйских кыргызов наблюдался во второй половине XX в. – согласно китайским переписям населения в 1952 г., в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян было зарегистрировано 455 фуюйских кыргызов, в 1979 г. их было уже 614, в 1982 г. 788 чел. В 1990 г. по всей провинции Хэйлунцзян насчитывалось 1 450 фуюйских кыргызов, в 2000 г. их численность возросла до 1 500 чел. [14]. Но затем прирост сменился убылью – в 2010 г. в провинции численность фуюйских кыргызов составила 1 431 чел.

Система расселения, которая сложилась к этому времени, может радикально повлиять на их будущую судьбу. Если в прошлом они жили более-менее компактно, и это способствовало их сохранению, то сейчас положение коренным образом изменилось. Из 1 431 чел. по переписи 2010 г. лишь 405 чел. проживают по-прежнему в интересующих нас двух поселках, остальные разбросаны по разным селам уезда Фуюй, а часть и по другим уездам провинции Хэйлунцзян, в том числе около 40 чел. – в г. Харбине. В месте компактного расселения осталось меньшинство – 28,3 %, остальные разъехались по всему региону, и нигде не составляют компактных групп. Такой характер расселения не способствует сохранению не только каких-то элементов культуры, но и вообще самой этнической группы. Ассимиляция и исчезновение в таких условиях становятся вполне вероятными.

Рис. 6. С профессором У Чжаньчжу на выставке культуры фуюйских кыргызов

Изменился и национальный состав двух поселков основного проживания фуюйских кыргызов, они составили там менее половины населения. Согласно подсчету по семейным спискам за 2013 г., в пос. Уцзяцзы проживают 564 чел., но из них только 251 кыргызы, т. е. 45 %, китайцы составили 44 %, монголы – 7 %, дауры 4 %. В пос. Цицзяцзы проживают 350 чел., из них кыргызов всего 109 чел., или 31 %, китайцев 53 %, монголов 12 %, дауров 3 %, 1 маньчжур, 1 ороchon, 1 эвенк.

Такой смешанный состав населения привел к тому, что кыргызы забыли свой родной язык и говорят в основном на китайском или монгольском языке. Профессор У Чжаньчжу выделил 5 периодов в бытовании разных языков у фуюйских кыргызов. Первые десятилетия после переселения они говорили, естественно, только на тюркском языке, но вскоре под влиянием монгольского окружения стали двуязычными и были таковыми весь XIX в. В первой трети XX в. по соседству поселилось большое количество китайцев, и кыргызы стали трехязычными: дома говорили чаще на своем языке, на улице – на монгольском, а при внешнем общении – в поездках, на ярмарках и т. д. – на китайском. В это же время произошел отход от родного языка, и в середине века они стали двуязычными – говорили на монгольском и китайском, а в последние десятилетия перешли к китайскому одноязычию. Сейчас монгольский язык знает меньшинство – только старики, а среднее поколение и дети говорят исключительно на китайском. Из трех стариков, которые помнили кое-что из родного языка, в начале XXI в., ко времени нашего приезда, в живых был лишь один (вернее, одна).

Всего за 3 года, прошедших после последней переписи (2010 г.), в поселках компактного проживания численность кыргызов еще больше сократилась и составила, согласно данным похозяйственных книг, всего 360 чел. (было 405). Выяснилось, что к настоящему времени имеет место весьма низкая рождаемость (больших семей почти нет, в семьях в основном 1 или 2 ребенка). Выявлена большая диспропорция полов, что тоже не способствует демографическому благополучию. Уезжают в другие поселки и города чаще девушки, а парни остаются. При смешанных браках с монголами и китайцами именно девушки чаще переезжают в поселок жениха. В целом по всей группе кыргызов в обоих поселках проживает 141 женщина (39,2 %), а мужчин – 219 (табл. 2), а среди молодежи девушек всего 28,8 %. Нехватку невест своей национальности местные парни вполне успешно восполняют за счет китайок и монголох. О низкой рождаемости говорит небольшая доля детей до 15 лет в составе кыргызов. В пос. Уцзяцзы детей всего 20 %, а в пос. Цицзяцзы – 16 %.

Из всех семей кыргызов, имеющих детей, в 99 было по 1 ребенку, в 27 – по 2 и лишь в 1 – 4 (в последней семье, видимо, решились родить 3-го, но родились близнецы, так случайно образовалась единственная многодетная семья). Такая же низкая рождаемость у китайцев и других соседних народов. Известно, что Китай до недавнего времени проводил политику ограничения рождаемости: одна семья – один ребенок, с целью решить проблему перенаселенности страны. Однако для национальных меньшинств государство предоставило льготы – они имели право рожать больше детей, приведенные цифры показывают, что кыргызы таким правом пользуются не слишком активно, детей у них мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.